

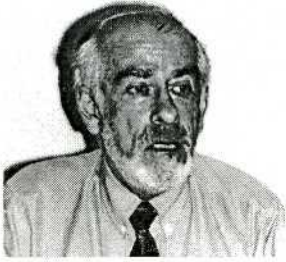
Б.Б. Багиров

- Дискурс власти и власть дискурса - вопросы эпистемологии.

- Власть как собственность - реальное бытие власти.
- Говорят: задача государства - построить гражданское общество. Это значит с помощью власти уничтожить ее собственность, силу власти.

И.М. Модель

- Нет консолидированного гражданского общества, которое способно ввести дискурс, чтобы был диалог с властью. Диалог власти и

гражданского общества разорван.

- Во властном дискурсе практически не участвуют сами представители власти. Дискурс власти вторичен, третичен. PR и СМИ замещают его. Власть за неимением собственных сил передала им свои полномочия.
- Канал формирования общественного мнения иррационален. Кто раскроет перед нацией смысл современной политики?

Монтаж записей: Наталия Арапова, студентка УрГУ

Резюме ▾

Резюме

В рассуждениях о дискурсе

А.Э. Якубовский

Очевидно, что даже сегодняшнее, столь представительное философское собрание, морально не готово просто купаться в потоке чистого дискурса; нам постоянно хочется нащупать за "словами, словами, словами" нечто более реальное — например, структуру общественных отношений. И дело не только в том, что мы почти все поголовно по образованию марксисты (кроме самых молодых коллег), но и в сверхзадаче — по Станиславскому — предложенного проекта. Сам по себе дискурс, если предположить возможность строго академического подхода к нему, может

интересовать лишь филологов. Если для обсуждения этой проблемы собрались политологи, пиарщики и философы, то это означает два момента. Во-первых, нас интересует, насколько тесно дискурс (тем более что речь идет о властном дискурсе) связан с соответствующими ментальными парадигмами, определяющими реальное поведение людей, причастных власти, и насколько сами эти парадигмы, в свою очередь, связаны с реальным устройством самой власти, отвечают механизмам ее функционирования в обществе. Во-вторых, это вопрос о том, можно ли посредством дискурса как-то влиять на репрезентируемые им ментальные

парадигмы и отразится ли это хоть как-нибудь на реальных механизмах осуществления власти?

Здесь я употребляю термин "парадигма" не в классическом значении глобального мировоззренческого образования (по Т.Куну), а просто для любого достаточно отчетливого и внутренне связанного ментального образования, выполняющего стилеобразующую роль для мышления и деятельности в какой-либо ситуативной области.

Поэтому, как бы привлекательны и важны ни были наши "рассуждения о дискурсе", реальным центром исследований, по моему глубокому убеждению, может быть только анализ ментальных парадигм. Именно они впрямую включены в субъектность человека и поэтому диктуют, с одной стороны, порядок работы реальных механизмов власти, а с другой — тип и стиль дискурса. Дискурс же был и остается одним из важнейших средств изучения ментальных парадигм через их выявленность в языковой (в широком смысле) практики.

Мне кажется очень важным целый ряд высказанных сегодня в этой аудитории мыслей; их конструктивное обсуждение способно будет серьезно продвинуть вперед исследование реального состояния нашего современного общества. Мне очень понравилась идея о "двух дискурсах" — реальном (приватном) и декларативном (публичном), которые принципиально не совпадают по своему содержанию. Следует, однако, указать, что "два дискурса" мы можем найти в любом обществе и в любую эпоху. Гораздо интереснее рассмотреть конкретные причины сосуществования именно таких двух дискурсов в этом месте и сейчас. Очевидно, было бы упрощением в духе французских просветителей XVIII века видеть корень этого в некоей осознанной злонамеренности власть имущих, которые вслух говорят по-новому, а про себя думают — и делают! — по-старому. Скорее здесь должна идти речь об

искренней массовой аберрации сознания: убежденности в том, что наши мотивы, стремления и способ действий изменяются одновременно с нашими поступками. Не новая парадигма, представленная почти исключительно речевым и знаковым дискурсом, используется для маскировки и сохранения старой парадигмы, а наоборот, через дискурс мы пытаемся приобщиться к новой парадигме, "уговариваем" себя на окончательную смену парадигм. Теоретически понятно, что поскольку все ментальные образования имеют исключительно большую инерцию, то между их появлением в общественном сознании и интериоризацией в индивидуальное сознание должно пройти некоторое время. Поскольку же ментальные образования, строго говоря, относятся даже не к сознанию, а к опыту (в трактовке В.П.Иванова), т.е. непосредственному сворачиванию деятельности в сущностные силы человека, сохраняющей свои орудийные формы, то смену стиля дискурса можно рассматривать как значимый механизм этого процесса. Дискурс здесь выступает как речевой (знаковый вообще) заменитель общественной практики, приводящей к формированию ментальности.

Этот феномен особенно характерен для сферы политики и для переходных эпох. Именно такой ментальный "раскол", парадигмальная "слоистость" сближает фигуры двух таких характерных реформаторов, как Хрущев и Горбачев. В первом случае общественная инерция оказалась больше импульса власти, во втором — наоборот, общественный импульс оказался больше инерции власти; однако оба они — единственные за всю российскую историю руководители, свергнутые со своего поста и не только оставшиеся в живых, но и, говоря по-русски, "оставленные без последствий". Случайно ли такое совпадение — т.е. обусловлено ли оно каждый раз иными конкретно-историческими причинами — или же под

ним есть некая более глубокая закономерность? Какие "разломы" общественного сознания надо спровоцировать, чтобы даже в случае неудачи можно было надеяться на относительно благополучный исход? — над этим вопросом стоит задуматься каждому российскому политику.

Я также целиком согласен с профессором Исаком Моисеевичем Моделем, что поведение современного российского общества определяется по преимуществу бессознательными стремлениями и установками. Это легко заметить, анализируя политический и рекламный дискурс с точки зрения теории рекламы: успешнее всего работают совершенно неконкретные, общевозбуждающие или общеуспокаивающие призывы, а индивидуализация предложения происходит внешним, несодержательным образом. Программы политических партий пишутся под копирку — благо их никто не читает — а сами партии различаются исключительно по фигурам лидеров. То же и в коммерческой рекламе: методология УТП работает на весьма узком (и целиком импортном) сегменте, в целом же рынок активно использует методологию образа марки — и это несмотря на практическое отсутствие отечественных марок как таковых! Чуть ли не единственный наш хорошо "раскрученный" бренд — торговая марка "Довгань" — строится

опять-таки на образе конкретного реального человека, лично выступающего в СМИ с его поддержкой.

С точки зрения исследователя ментальных парадигм эта ситуация сближает современное российское общество с традиционным. Однако это означает, что на деле в нашем обществе происходит отнюдь не раскол и внутренняя дифференциация — о чем мы уже привыкли слышать из весьма многочисленных уст политиков и ученых — а напротив, процессы сближения ранее удаленных социальных групп (по крайней мере, в каких-то весьма существенных отношениях)! Как объяснить этот парадокс? Что же на самом деле происходит с нашей социальной структурой? Фактически сегодня мы можем лишь обозначить эту проблему и предположить, что ее решение, возможно, даст нам ключ к более эффективным и менее затратным средствам влияния на аудиторию, нежели используемые сейчас механизмы, предназначенные для традиционного общества. Образно говоря, вопрос стоит так: можно ли вместо горчичников и чая с малиной для лечения острых респираторных заболеваний изобрести пенициллин? Однако даже для отрицательного ответа на этот вопрос нам придется вместо народной мудрости обратиться к научным методам исследования.

▲ В спорах о дискурсе...